

# ВРЕМЯ TV

## ЛУГАНСКА

28 каналов  
на семи  
страницах

Областная общественно-политическая газета

№15

14 ноября 2007 г.

Луганскому театру поиска  
«Art & Гарт» требуется

МИЛЛИОН  
ДОЛЛАРОВ  
ДЛЯ НАЧАЛА  
РАБОТЫ



СТР.18

Это наше время!  
**ВРЕМЯ**  
ЛУГАНСКА

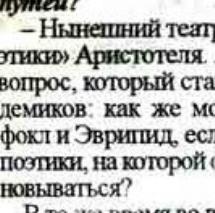
18

№ 15, 14 ноября 2007 г.

ЛУГАНСКОМУ ТЕАТРУ ПОИСКА  
«ART & ГАРТ» ТРЕБУЕТСЯ  
МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ  
ДЛЯ НАЧАЛА РАБОТЫ



Teatr «Art & Гарт. The generation of active actors technologies», являющийся филиалом Национального центра театральных исследований им. Леся Курбаса (Киев), впервые был замечен два года назад, когда был поставлен спектакль по пьесе классика европейского театра абсурда Самюэля Беккета «Возвращение Годо». Затем в жизни театра наступил сложный период, он существовал практически в нематериальной форме. В начале этого учебного года произошли перемены – театр «Art & Гарт» с составом в 9 человек и задачей перевернуть представление об украинском театре был зарегистрирован при Луганском государственном институте культуры и искусства. По словам режиссера Александра Шмайля, его театру для того, чтобы совершить переворот в умах, необходимо малое – регистрация в министерстве культуры и миллион долларов США.



Виталий Дорофеев,  
«Время Луганска»  
margo.caplan@mail.ru

– Александр, насколько сильно в современном театре экспериментальная составляющая, насколько важен и актуален поиск новых путей?

– Нынешний театр ползет от «Политики» Аристотеля. А я часто задаю вопрос, который ставит в тупик академиков: как же могли писать Софокла и Эврипид, если у них не было поэзии, на которой они могли бы основываться?

– В то же время во всем мире существует не более пяти «театров поиска», закрытых лабораторий, где добывается новый продукт. Отечественный театр весьма консервативен, в нем многое нужно менять, но... В министерствах и России, и Украины мне часто говорили, что будет слишком много безработицы, если попытаться реформировать сложившуюся театральную систему.

– Еще 15 лет назад сколько бузов готовило театральных деятелей?

– Очень мало.

– А сейчас?

– Очень много. Буквально при каждом университете открываются актерские специальности. Но что самое интересное – при советском малом количестве театральных факультетов востребованными оказывались лишь 10 процентов их выпускников. Сегодня при огромном количестве выпускников востребованы все.

– Растет спрос?

– Нет, падает уровень театра.

– Чему же учат студентов?

– Изображать. Им дается набор пластических приемов для этого. Но изображать и проживать на сцене – это разные задачи. И хотя для меня имеет смысл только задача «проживать», я абсолютно отрицаю перевоплощение. Вот закончился спектакль «Годо», на котором были истерики у зрителей, который многие очень тяжело переживали, приходили домой больные, спектакль по нескольку месяцев не выходит из головы, а актеры ведут свою обычную жизнь, они не поглощены образами. Спектакль закончился, они в ту же секунду становятся нормальными юношами, бросаются в объятия своих девушек. Когда я читаю МХАТовские мемуары, где говорится, что народную артистку на кухне нельзя было

tronуть в 7 утра, потому что вечером у нее репетиция, и она уже настраивается, – это идиотизм, прямой путь в психушку. Но еще ни один актер, работающий по моей «психоделической» методе, в психушке не побывал, более того – ко мне приходили законченные наркоманы и прекращали принимать наркотики. Сегодня ни один бывший советский театр не может таким похвастаться.

– Что представляет собой ваш театр?

– Театр, который может играть Беккета, может ставить Калигулу, вот только пьесы Шмайля пока играть не может, потому что они слишком откровенны. Сейчас эти пьесы на международном конкурсе, и если они будут отмечены, то со ссылкой на авторитеты можно будет пробовать их протолкнуть.

Здесь не важен сюжет, статичная основа пьесы. Мы берем Гамлета, сокращаем его в 7 раз; пьеса не имеет никакого значения, зато внутренний мир Гамлета прожит полностью. Нельзя сказать даже, что играется состояние, я для себя уже определил, ЧТО играется, но словами определить еще не могу.

– Как все начиналось?

– Три года назад мы начинали как ЧП, но не удалось: очень много накладных расходов, очень мало спектаклей. Сейчас это театр института, указом Валерия Филиппова утверждено положение о театре. Это было 2 месяца назад.

– Вы существуете в «скрытом» состоянии. Информация о постановке «Годо» не была включена в пресс-релизы института, хотя в спектакле задействованы студенты.

– Дело в том, что творческий центр института – «Красная площадь, 7» – уже сформировался, у него есть свой зритель, и это – не наш зрителей. Конечно, в наши ближайшие задачи входит «выход из подполья».

– Что вы успели поставить за два месяца?

– Ставим «Калигулу», первый спектакль в этом году, а сыграли только «Годо».

– А «Экстези», «Третий глас»?

– Все это было раньше, до регистрации при институте, и шло только один раз. Конечно, если бы не проблемы с худсоветом, мы готовы играть их, например, каждую неделю.

Я сейчас ищу автономное помещение, в котором можно было бы регулярно играть. Нам очень сложно зарабатывать деньги, потому что мы сейчас – бюджетная организация, и не имеем права заниматься коммерческой деятельностью. А пока – лично делаю макет для «Калигулы», но есть риск, что спектакль пройдет на голом плакате, или что он пройдет опять всего один раз.

– То есть, можно сказать, что театр еще только «стает на ноги»?

– Был такой исторический анекдот: правительство Чехословакии об-

ратилось к Советскому Союзу с просьбой помочь организовать министерство морского флота. «Да у вас же моря нет!» – удивилась советская сторона. «Ну и что – у вас же есть, например, министерство культуры»...

Нужен министр, с которым можно разговаривать.

– Простите, о чём?

– О регистрации театра. У нас это делается на уровне министерства, если речь идет не о частном театре. За свою жизнь я четыре театра создал, и один поднял с панели. Но у меня уже такой возраст, что пора следить что-то окончательное.

– Буквально на днях вы отмечали 30-летие творческой деятельности. Можете ли вы подвести ее краткий итог?

– За тридцать лет я понял единственное, – что я ничего не понимаю в театре. В те далекие годы мне легко было ставить... Я был очень резок. Идет репетиция, заходит директор театра, я разворачиваюсь и громко посыпаю ее. Она молча прикрывает дверь, уходит и всем говорит: «Типе, типе! Там репетиция!» Сейчас у меня нервы просто на пределе, просто пациент для психушки, слава Богу, что об этом не знает ни один психиатр. Мне нельзя быть руководителем, нужен человек, который еще не отягощен воспоминаниями, как его хвалили и как были, полный энергии, который никого не боится, не пережил многих лет безработицы, развода, скандала с родными... Когда я развелся, я оставил квартиру со всей мебелью, ушел с одной сумкой. Последние шесть лет у меня не было постоянного жилья, жил в отъездах или у друзей.

Как только все у нас сложится, я уйду на должность «Почетного Тирана» театра, а художественным руководителем будет наш актер Ярослав Страхов – потому что ему 21 и ему уже пора начинать. Между прочим, могу сказать – ему не должно повредить, а если повредит, то это будет его недочет. Страхов – будущая звезда европейского театра.

– Какие перспективы у вашего театра? Если он получит самостоятельную регистрацию, уйдет ли вы из-под крыла ГИКИ?

– Не обязательно. Валерий Филиппов очень талантливый менеджер. Даже если произойдет юридический развод, мы найдем новые формы сотрудничества. И мы продолжим оставаться филиалом Центра театральных исследований им. Леся Курбаса. Этот центр собрал генерацию всех режиссеров, которые хоть что-то смыслили в театре поиска, и ведет глубочайшие теоретические исследования. Кстати, директор центра Неля Корниенко до сих пор не верит, как в Донбассе могли появиться ростки театра

на уровне Европы.

– А какое финансирование вам необходимо?

– Луганские экономисты рассчитали сумму в миллион долларов, необходимую только для создания театра: аренда помещения, ремонт, освещение. Когда у нас появится своя база, мы сможем играть по 4 раза в неделю. Причем необходимый актерский состав есть. У нас 9 человек, и совсем недавно еще двое выразили желание присоединиться. Мне не нужно кастинг – достаточно увидеть, как у человека горят глаза.

– Насколько я знаю, сейчас ребята работают бесплатно?

– Да, и это недопустимо. Актер начинается с пяти тысяч гривен в месяц. Тогда он сможет делать свое дело с полной отдачей, и не захочет заниматься ничем другим. На самом деле, актер не боится физической работы, у него нагрузка не меньше, чем у шахтера, но он не пойдет в шахту – там пыльно и зрителей нет.

Я утверждаю, что у нас театр высокого эстетического вкуса и соответствующими должны быть гастрономические вкусы актеров. Когда мы начинали, они могли питаться «Минионом», теперь это невозможно. Нельзя, отыграв Годо, покупать пакетик «Минион». Когда говорят, что актер должен быть голодным, имеется в виду нечто другое – голод духовный. А девушки этих парней тоже чего-то хотят на уровне их мастерства. Когда он выходит из театра, а у него гривна на проезд – это неправильно. В отличие от многих классиков театра, мы проповедуем театр людей социально активных. Вывезти их за 120 километров за город, поселить в старой немецкой кирпичной башне без воды и пищи – не наш метод. Они должны гулять по городу, беспрерывно говорить по мобильнику – меня это иногда раздражает, но что поделаешь. Из моих актеров только один может позволить себе сходить в ресторан. У меня ощущение, что Страхов вообще еще ни разу не был в хорошем ресторане. А я хочу, чтобы он мог побывать там со своей девушкой, вызвать такси, уехать домой, лечь в хорошую постель и сделать хорошего ребенка.

– Какие спектакли имеются в акции вашего театра?

– Спектакль «Экстези. Гамлет-Чайка» надо восстановливать. Это моя инсценировка Шекспир и Чехов, соединенные в одной пьесе. «Третий Глас» по пьесе Оли Мухиной мы тоже ставили довольно давно. «Калигула» намечалась на декабрь, но еще не согласованы вопросы финансирования. Однако мы сделаем все возможное для того, чтобы те, кто интересовался по живой струе в театре, кому тесно в провинциальной культурной затхлости, смогли увидеть нас.